

Великая трагедия народа

[Е. Петунина, доцент, заведующая кафедрой этики, эстетики и истории культуры]

#7 от 28.03.2008

Памятному знаку – быть

: , ... « 1932–1933 . . »

В одном из последних выпусков «Политехника» прочитала статью профессора В.И. Николаенко «Великая трагедия народа» и сразу вспомнила рассказ моей бабушки – Наталии Михайловны Стеценко о трагедии ее семьи в январе-феврале 1933 года. За два месяца от голода погибли тринадцать человек, из них семеро – дети в возрасте от года до шести лет! Из большой, многодетной семьи, которая трудилась на земле в небольшом хуторе под Чугуевым, удалось спастись сорокалетнему Михаилу и его тринадцатилетнему сыну Василию. Обессиленные и замерзшие, преодолев все преграды, в конце февраля 1933 года они сумели дойти до Харькова. Молодой военнослужащий, который остановил их для проверки документов, предупредил о том, что в городе задерживают опухших от голода людей, а потому у них только одна возможность – добираться до родственников ночью, минуя усиленные посты милиции. Михаилу и Василию удалось спастись. Смерть настигла их спустя 10 лет – они погибли в боях за освобождение Харькова в 1943 году.

Из воспоминаний Наталии Михайловны я узнала и о том, что харьковчане, принимавшие у себя пострадавших от голода и репрессий, подвергали риску свои семьи. О голоде нельзя было говорить с коллегами по работе; во многих организациях служащие давали подписку о неразглашении информации о погибших родственниках.

К сожалению, спустя 75 лет сложно восстановить подлинную историю страшных трагедий народа, семьи, личности. Еще сложнее – преодолеть равнодушие – паралич души.

При дороге

В 33-ем году на икону
положили, младенца, тебя
и у шляха полынному лону
возвратили... Уже не скорбя...
Ибо мать и сестра не вставали,
батьку в глину свезли, за овраг,
и все хаты давно порубали
на баланду костлявых собак.
Положили тебя в придорожье,
в слобожанской солёной пыли,
чтоб Господь и случайный прохожий
над тобою склониться могли,
чтоб седая душа Украины
над тобой зарыдала на миг,
неповинно казнённому сыну
заглянув в нерасказанный лик...
Небом правишь ли, кривда земная?
Средь степи, в людоедском году,
смотрит слепо Мария немая.
Поднимаю дитя, поднимаю —
и по веку, глухому, иду...
Сергей Шелковый.